

О. Б. Януш

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: — ☒

Н. М. Мухарямов

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: — ☒

Л. М. Мухарямова

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5016-6928 ☒

☒ **E-mail:** yanush_ob@yahoo.com; n.mukharyamov@yandex.ru; l.mukharyamova@yandex.ru.

Языковая политика в теоретических контекстах неоинституционализма

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые концептуальные перспективы исследования языковой политики с позиций подходов неоинституционализма — бурно развивающейся междисциплинарной отрасли социально-гуманитарного знания. Основное внимание уделено таким подходам, как рациональный выбор, вариант исторического институционализма («тропа зависимости»), роль идеологического фактора на макродискурсивном и частном прикладном уровне применительно к представлениям и принципам нормативно-регулятивного воздействия в области языкового функционирования. Авторы демонстрируют те аналитические направления, по которым парадигмальные установки институционального анализа могут быть использованы применительно к политико-языковым отношениям в современных российских условиях. При существовании нескольких межведомственных, правительственных и общественных структур единого полномочного органа, который был бы ответственным за языковую политику, в системе российской исполнительной власти не создано. О том, что современная языковая политика в России пока не получила достаточного институционального оформления, говорит незавершенность подготовки общего доктринального документа или акта стратегического планирования в этой области. Вектор развития языковой политики в России задается противоположными историческими ориентирами: содействие сохранению языкового многообразия (создание алфавитов для бесписьменных языков, мероприятия периода советского «языкового строительства» в 1920—1930 годы, институциональное закрепление идеотнических языков в контексте федеративной государственности и т. д.); установления, предназначенные для укрепления единого языка как инструмента коммуникации и властвования. В современной России разговор преимущественно ведется о нормативно-правовых актах и о присутствии языков в системе отечественного образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковые отношения; языковая политика; родные языки; народы России; рациональный выбор; неоинституционализм; лингвистические исследования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, ауд. Д-714а; e-mail: yanush_ob@yahoo.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, ауд. Г-331; e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухарямова Лайсан Музиповна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии и социологии, Казанский государственный медицинский университет; 420012, Россия, г. Казань, ул. Бутлерова, 49, ауд. 202; e-mail: l.mukharyamova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Януш, О. Б. Языковая политика в теоретических контекстах неоинституционализма / О. Б. Януш, Н. М. Мухарямов, Л. М. Мухарямова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 156-165. — DOI 10.26170/pl20-06-17.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 — 2022 гг.

Регулирующее воздействие на языковые отношения происходит через многообразные общественные институты. В этой области присутствуют «действующие лица», образующие глубоко диверсифицированную и многоуровневую картину. Сюда входят как

властно-управленческие инстанции, обладающие суверенными полномочиями (а также — межгосударственные формирования международно-политического уровня), так и, по словам Мануэля Кастельса, «параинституты» государства — «религиозные институ-

ты, университеты, образованные элиты, в некоторой степени медиа» [Кастельс 2017: 61]. Наконец, к институтам, играющим системную роль в языковой политике, необходимо относить и неполитические категории, такие как институты родства и в первую очередь институт семьи, что создает исключительно широкую — практически безграничную — панораму форм и способов участия.

Стоит упомянуть и присущий рассматриваемому тематическому комплексу нюанс, связанный с некоторым предубеждением ученых-языковедов семантического и стилистического порядка. Свидетельством тому примечательный историко-научный эпизод из сравнительно недавнего прошлого, связанный с тем, что на русский язык название работы Э. Бенвениста «*Le vocabulaire des institutions indo-européennes*» (1970) переведено как «Словарь индоевропейских социальных терминов». Общий редактор и автор вступительной статьи к переводу Ю. С. Степанов, поясняя это, ссылается на то, что в русском языке существуют «слова, обозначающие *социальные* явления, которые одновременно *социально осознаны* и „терминологизированы“ естественным образом в языке». С одной стороны, это «учреждения» или «установления», произведенные властью, с другой стороны, по-русски это слова ограниченной стилистической сферы — бюрократического языка, а «социальные институты» вообще не слово русского языка, но термин социологии [Степанов 1995: 5].

Эмиль Бенвенист (1902—1976) придерживался широкого понимания термина «институт», подразумевающего социальные установления. Это «не только классические институты права, государства, религии, но и те менее заметные институты, которые обнаруживаются в производстве, повседневной жизни, социальных связях, в процессе речевого общения и образа мысли» [Бенвенист 1995: 27].

Институционализм как самостоятельное направление в изучении языковой политики — в отличие от экономической теории, социологии, политической науки — все еще весьма далек от состоявшегося оформления. Наблюдается некоторая асимметрия векторов исследовательского внимания к «языку в институтах» и «институтам в языке». Первая из названных перспектив сегодня получает свои программные очертания в качестве области междисциплинарных разработок [см., напр.: Иншаков, Фролов 2010]. Во втором направлении, связанном с осмыслением институциональных факторов языковой политики, только делаются первые шаги в сторону синтеза социолингвистики и политической

науки [см., напр.: Борисова, Бородина 2017; Борисова 2017].

В зарубежных научных публикациях по текущему состоянию разработки темы, касающиеся языковой политики в связи с современным институциональным пространством, также оцениваются как сравнительно «неисследованные» (или, по-другому — «не нанесенные на карту») [Codó 2018].

Проблема в данном случае состоит, разумеется, не в том, что субъекты языковой политики оказываются вне поля зрения исследователей, что само по себе выглядело бы чем-то непредставимым. Вопрос в том, насколько специализированы и подвергнуты концептуальной рефлексии подходы к политике применительно к языковым отношениям с точки зрения рассматриваемой здесь эвристики.

Во-первых, не всякий анализ институтов как таковых происходит в эпистемологических рамках той дисциплины, о которой здесь идет речь. «Среди институционалистов практически общепризнанна необходимость проводить различие между исследованием политических институций, с одной стороны, и институциональными исследованиями — с другой», — отмечают С. В. Патрушев и Л. Е. Филиппова. Первое отсылает к предметной области. Второе относится к институционализму как методологии исследования. Предметом институционального исследования являются не только и даже не столько политические институты. «...Институциональные теории описывают, как происходит идентификация индивидуальных предпочтений и как они суммируются на уровне коллективного выбора» [Современная политическая наука 2019: 112—113]. Отсюда — намерения отойти от описания структур и процессов и, напротив, сосредоточиться на теории и на понятийном круге, в центре которого — «институциональная среда», «институциональные практики», «политические установления» и т. п. Словом, эта методологическая позиция выражается в поиске способов такого видения, которое соотносит формальные и неформальные нормы (и правила), политико-юридические и социальные рамки, в которых взаимодействуют люди в «типичных ситуациях» [Там же]. В этом же логическом русле формулируется суждение о том, что институциональные процессы, по Пьеру Бурдьё, несводимы к определенным формам организаций, к бюрократическим структурам, но скорее представляют набор социальных отношений индивидов с властью, различного рода статусами и ресурсами [Roberts 2011].

Во-вторых, рассматриваемый в данном случае предмет артикулируется в весьма

широких смысловых пределах и с некоторым акцентированием фактора индивидуальности. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями (в оригинале использован термин «акторы». — Н. М., О. Я., Л. М.) разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [Бергер, Лукман 1995: 93]. Такому пониманию институтов свойственна историчность. Иными словами, институты — это то, что уже существует в качестве объективной реальности еще до рождения индивида и будет существовать после его смерти. «В этом отношении институты оказываются для индивида внешними, сохраняющими свою реальность, независимо от того, нравятся она ему или нет. Он не может избавиться от них... Институты сопротивляются его попыткам изменить их или обойтись без них. Они имеют над ним принудительную власть и сами по себе, благодаря силе своей фактичности, и благодаря механизмам контроля, которыми обычно располагают наиболее важные институты. Объективная реальность институтов не становится меньше от того, что индивид не понимает их цели и способа действия» [Там же].

В-третьих, в процессе конституирования интердисциплинарного исследовательского поля — институциональной лингвистики — специальным образом было заявлено, что в роли концептуального ядра здесь выступает принципиальная потребность различения категорий «институция» и «институт» и отказа от их искусственного отождествления. В рамках теории институциональных номинаций основополагающим становится понимание институции как «социальной формы признания и закрепления обособившихся способов человеческой деятельности с присущими им атрибутами (правилами, нормами, статусами и т. д.)». Институциональный фактор, следовательно, присущ любым актам и процессам этой деятельности, а «действительным содержанием институции является социально укорененное, типичное, обособленное действие, способное к закреплению в качестве постоянно воспроизводимой функции индивидуальных и коллективных субъектов, которые становятся представителями (агентами) данной институции» [Иншаков, Фролов 2010].

В-четвертых, в современных теоретических рефлексиях о политической науке, изложенных в 1990-х годах в наиболее систематизированном виде, содержатся ключевые постулаты относительно данной темы. Институты «не могут быть изменены в одночасье по воле агентов», они не меняются

«так же часто, как властные структуры или иные существующие параллельно с ними общественные структуры». Далее, они «не конструируются, но, скорее, эволюционируют». Политические институты нельзя сводить только к формализованным правилам (к тому, что было записано на бумаге), но также — и ко всем типам «постоянно повторяющегося поведения», к «привычкам» и «культуре». Это — не только «правила игры», но и факторы, воздействующие на ценности, в том числе — на коллективную идентичность, доверие и солидарность. Наконец, восприятие политики в новейших концептуальных образах связано с ее пониманием как «ограниченного применения социальной власти». Историческое наследие, случайность, природа социальных правил и политических режимов, их возможностей — это многослойная модель таких ограничителей [Политическая наука 1999: 43].

Приведенные способы понимания предмета открывают новые перспективы и служат приращению эвристических возможностей при исследовании языковой политики, преодолевающим традиционно сложившиеся рамки субдисциплины для придания ей междотраслевого статуса в социальном познании.

В практике исследования языковой политики можно найти примеры — конкретные случаи — использования эпистемологии, подходов, инструментов и техник институционального анализа. Не претендуя на сколько-либо полный обзор (нео)институциональных подходов к этой предметной области, можно привести несколько достаточно репрезентативных примеров.

Одно из обозначившихся направлений — применение приемов, характерных для экономического неоинституционализма. Широкую известность получили разработки Дэвида Лэйтина в рамках парадигмы рационального выбора по проблематике этнических конфликтов, идентичности и, что наиболее показательно в рассматриваемом контексте, — языковой политики. Этот автор, которого относят к мэтрам современной американской политологии, неоднократно использовал в своих исследованиях инструментарий теории игр. Одна из его статей называется «Вавилонская башня как координационная игра. Политическая лингвистика в Гане» [Laitin 1994]. Декларируя релевантность соответствующего инструментария экономического неоинституционализма для изучения этнолингвистических материй, этот влиятельный специалист энергично призывает отказаться от противопоставления рациональности и культуры, которая традиционно ассоциируется с аффективными началами. Экономи-

ческая деятельность также испытывает воздействие обычаев. С другой стороны, «рациональное» не тождественно «материальному». Соображения максимизации статусов и чести (элементов идентичности) могут основываться на калькуляциях так же, как и калькуляция благосостояния [Laitin 1998]. Техника анализа политико-языковых вопросов (главным образом — в постколониальных контекстах), применяемая Д. Лэйтиным, базируется на принципах «равновесия Дж. Нэша», концепции конфликта и кооперации в версии теории координационных игр Т. Шеллинга (нобелиатов в области экономики). Языковую политику в бывших африканских колониях он предлагает строить с учетом комбинаторики теории игр, когда результат может выглядеть как а) оптимальный для всех участников игры, но неустойчивый; б) устойчивый, но неоптимальный. Равновесный результат в обществах с различным типом многоязычия при этом предлагается описывать формулами « 3 ± 1 » или « $3 + 1$ ». Первый вариант отражает ситуацию в таких странах, как Индия, Индонезия, Кения (жители разных регионов должны овладевать либо двумя языками — языком бывшей метрополии как *lingua franca* и широко применяемым идеоэтническим кодом в качестве общенационального языка, либо четырьмя, т. е. двумя, названными выше, а также наиболее распространенным языком своего региона плюс регионального меньшинства). Второй вариант подходит для таких государств, как, например, Гана, где рационализация потребует знания международного, общенационального (наделяемого гипотетическим институциональным рангом), регионального и регионально-миноритарного языков, которые используются в различных «доменах» [Laitin 1992, 1994]. Искомое равновесие зависит не только от «свободного рынка языковых инвестиций», но и от вмешательства государства с его волей и мотивациями. При этом, как подчеркивает сам автор, используемая абстрактная модель не дает каких-то точных решений применительно к «проклятью Вавилона», но, скорее, предлагает аналитическую репрезентацию, способствующую поиску решений [Laitin 1994].

Приложения методологии рационального выбора, включая теории игр, к этнолингвистическим отношениям вызывают как положительное отношение в академических кругах, так и возражения оппонентов. Существенно то, что подходы Д. Лэйтина способствуют лучшему пониманию роли языковых «вопросов» в политической повестке, в частности в конкуренции элит. С другой сторо-

ны, аргументы критиков оперируют такими квалифицирующими характеристиками, как недостаточность историзма и учета традиций, инструментализм, отождествление этнических и языковых сообществ лишь с одной из разновидностей групп интересов. Один из упреков состоит в том, что рационализация и эффективность понимается в данном случае как языковая унификация до тех пор, пока политическая стабильность не сталкивается с угрозами [Sonntag, Cardinal 2015].

Второе исследовательское направление в области языковой политики, относящееся к рассматриваемому методологическому разряду, — исторический неоинституционализм, представляющий собой один из альтернативных вариантов данной парадигмы в противовес рациональному выбору, экономическим аспектам и методологическому индивидуализму. Гносеологическим ядром здесь выступает концепт «тропы зависимости» (*“path dependency”*), играющий роль своеобразного пароля в академической стилистике (роль, вероятно, аналогичную той, которую играют «*транзакционные издержки*» в исследованиях институциональной экономики). Объяснительная функция понятия, описывающего эволюцию институтов, строится на выявлении того, как изменения в среде общества соотносятся с трансформацией давно укоренившихся установлений, насколько институциональная динамика зависит от опыта пройденного пути. Смысл исторического детерминизма этой версии неоинституционализма состоит в том, чтобы определить границы, заданные прошлыми траекториями, и ту степень, в которой они ограничивают выбор людей и политических акторов [Сморгунов 2012: 72].

Специфичным комбинациям традиций, государственной политики и институтов применительно к языковому устройству общества посвящен академический проект Международной ассоциации политической науки (IPSA) и его исследовательского комитета «Политика языка» (RC50). Определяющая методологическая установка проекта и итоговой монографии связана с использованием категорий неоинституционализма — «традиции государства» и «тропа зависимости» — в перспективах сравнительной политической науки. Авторы показывают, каковы системные особенности языковых режимов с различающимися типами институционализации. К примеру, ценности многоязычия могут не подчеркиваться, а языковая политика — не концептуализироваться как область публичной политики, служащая социальным и образовательным интересам в условиях либеральных рыночных и политических инсти-

тутов и в целях экономической конкурентоспособности (США) [Sonntag 2015]. Как контрастирующий пример — французы, которые, в отличие от британцев с их неписаной конституцией, воспринимают свой язык как «неотъемлемую часть государственного аппарата. ...воспринимают институты со всем их чиновничеством и язык со всеми его правилами» [Safran 2015].

Далее, перспективы концептуализации языковой политики как институционально оформленной области рассматриваются в зарубежных публикациях в связи с макро-идеологическими контекстами. Исследователи, специализирующиеся в области языковой политики, демонстрируют растущий интерес к тому, каковы последствия доминирования принципов неолиберализма. Рыночные принципы и идеология «свободного выбора» будут срабатывать в пользу языков глобального ранга (особенно — английского языка). С другой стороны, в условиях экономики знаний в эпоху позднего модерна особая роль принадлежит коммуникации и символическому производству, вследствие чего языковая политика служит орудием в руках неолиберальных сил [Piller, Cho 2013]. В ситуации глобального распространения рыночных принципов язык и многоязычие «превращаются в товар» (становятся предметом *маркетинга* и *коммодификации*, рыночного обмена, рассматривается в ценовых категориях и прибыли). Институциональный неолиберализм предполагает свободную циркуляцию капиталов, людских потоков и «семиотических практик», захватывает науку и университетское образование. С этим связаны перспективные исследовательские задачи — «изучение языковой по-

литики и языкового планирования в институциональных пространствах, претерпевающих воздействие неолиберализма, и необходимость понять переплетение этих пространств с появляющимися социоэкономическими, политическими и моральными порядками, так же как изучение условий, сдержек и возможностей языковой политики в специфических институциональных локациях» [Codó 2018].

Противоположная по отношению к неолиберальным представлениям о языке в обществе позиция — это круг представлений и подходов, характерных для критической социолингвистики и критических концепций языковой политики и языкового планирования. Она широко представлена в идейно-теоретическом дискурсе о языках и политике и ориентирована на выявление факторов неравенства и доминирования в языковых отношениях. Соответствующая оппозиция затрагивает также концептуальные образы многоязычия: «эффективность / инструментализм» vs «толерантность / инклюзивность».

Многоязычие в неолиберальной версии трактуется в категориях иерархичности и утилитарного видения мультилингвальной компетенции, то есть *глотто-разнообразия* (*glottodiversity*), тогда как в критической перспективе — в смысле *семио-разнообразия* (*semiodiversity*) [Канагараджа 2016]. На этом же горизонте в институциональной среде языковой политики в качестве оппозиции неолиберальным принципам противопоставляется лингвоэкологическая (или так называемая «зеленая») парадигма, ценностно ориентированная на всемерное сохранение культурно-языкового многообразия.

Таблица 1

Неолиберальная и критическая ориентации в отношении мультилингвизма	
<i>Неолиберальный дискурс</i>	<i>Критический дискурс</i>
Упрощенный	Расширенный
Мультилингвизм	Мультилингвизм
Сценарии	Голос (речь)
Стандартизация	Смешение
Разделение	Синергия
Форма	Стратегия
Инструментальность	Экологичность
Автономия	Совместимость
или	или
Трансцендентальная агентивность	Дистрибутивная агентивность

Наконец, в практике зарубежных исследований институциональных моделей языковой политики предложен еще один способ концептуализации предмета — в более «прикладном», доступном для верификации виде. Это, к примеру, трехуровневая аналитическая конструкция. Одно из ее измерений включает субъектный состав участников: на макроуровнях (законодатели), на мезоуровнях (администраторы) и на микроуровнях (учителя). Второе измерение выделяет направления практического проведения: (1) документирование языковой политики в тестах законодательства; (2) дискурсы о языковой политике, или ее отражение в информационном пространстве; (3) институциональные модели, или государственные стандарты. Этот способ видения языковой политики предполагает системное использование институциональных подходов — от языковых идеологий, производимых институтами, до словарей и научно-исследовательских структур [Fitzsimmons-Doolan 2019].

Приемы рассмотрения языковой политики с позиций неинституционализма обладают немалым познавательным потенциалом применительно к российским контекстам.

Актуализация соответствующих способов теоретизирования и аналитического инструментария в нынешней ситуации с языковой политикой в нашей стране имеет значение даже, наверное, не столько в проективном смысле, но скорее с точки зрения оценки имеющихся «лакун». В проводимой в России государственной языковой политике есть зоны, которые пребывают в состоянии институциональной недостаточности или своеобразной «разреженности». Если взглянуть на предмет сквозь призму традиционного, или «старого» понимания институтов, то обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Прежде всего, институты в «классическом» понимании — это и регуляторы деятельности и поведения действующих в политике субъектов, и политические образования в виде учреждений и организаций, «формальных управленческих структур» [Современная политическая наука 2019: 112—113]. Так, во время обсуждения задач, связанных с формированием продуманной, сбалансированной, активной и целостной языковой политики, в Совете по русскому языку при Президенте России прозвучали слова о нынешней ее «бесхозности», сказанные советником главы государства В. И. Толстым [Заседание Совета по русскому языку 2019]. При существовании нескольких межведомственных, правительственных и общественных структур единого

полномочного органа, который был бы ответственным за языковую политику, в системе российской исполнительной власти не создано. Соответствующие «вопросы» закреплены отчасти за ведомствами образования, науки и просвещения, отчасти — за Федеральным агентством по делам национальностей, отчасти же относятся к структурам, продвигающим русский язык и культуру в международном пространстве. Однако очевидно, что языковые отношения (в интер- и интралингвальных своих проявлениях) по своей сущности не сводятся только лишь к образовательной или «межнациональной» сферам. По-прежнему злободневно продолжает звучать предупреждение академика В. М. Алпатова: «А если нет целенаправленной политики, ее место занимает рыночная стихия» [Алпатов 2010].

О том, что современная языковая политика в России пока не получила достаточно-го институционального оформления, говорит незавершенность подготовки общего доктринального документа или акта стратегического планирования в этой области. Одна из очевидных «лакун», о чем было сказано выше, состоит в дефиците субстантивного целеполагания — того, что составляет существо категории «политика» [Ильин 2016]. В этом смысле установка, связанная с «сохранением и развитием языков народов России», требующая «обеспечения прав граждан на изучение родных языков» или связанная с созданием соответствующих «оптимальных условий» для их функционирования, выглядит недостаточно определенной. Одно из редких исключений в нормативно-правовом дискурсе — это целевая формула, содержащаяся в федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002—2005 годы. В документе было записано: «Основой языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации, поощряется изучение национальных языков населением ее республик и создаются условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации». Следует, однако, признать, что приведенная установка в дальнейшем не стала воспроизводимой, т. е. не получила институциональной значимости.

Нынешнее состояние языковой политики в Российской Федерации, если оценивать его с позиций неинституционализма, демонстрирует сложное сочетание элементов,

связанных с «тропой зависимости», с влиянием опыта предшествующих траекторий и факторов инерционности. Это и многократные и кардинальные трансформации общественного строя и, соответственно, всех привычных социально-культурных установлений. Сюда же можно отнести традиции отечественной правовой культуры с ее преемственностью, начиная с дореволюционных времен и с советскими историческими фазисами. Правовые регуляторы языковых (в том числе этнолингвистических) отношений в нашей стране действуют по историческим меркам сравнительно недавно. «Тропа», задающая вектор языковой политики в нашем случае, всегда была довольно извилистой. Ее направленность изначально определялась разными ориентирами. Курс следования здесь испытывал воздействие ситуативных особенностей, порождаемых двумя началами. Первое — это содействие сохранению языкового многообразия (создание алфавитов для бесписьменных языков, мероприятия периода советского «языкового строительства» в 1920—1930-х гг., институциональное закрепление идеознических языков в контексте федеративной государственности и т. д.). Второе — установления, предназначенные для укрепления единого языка как инструмента коммуникации и властвования. Правовая норма относительно того, что «употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами» наряду с закреплением общегосударственного статуса русского языка, закрепленная в «Своде основных государственных законов Российской Империи» в апреле 1906 года, дальнейшего правового оформления не получила. Языковая жизнь народов Союза ССР, как известно, законами также не регулировалась. Первые нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения по поводу языков — государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в ее составе, принимались с начала 1990-х годов в условиях крайне противоречивой политической конъюнктуры дезинтеграции [Мухарямов, Януш 2020]. Следовательно, есть достаточные основания для того, чтобы идентифицировать «тропу зависимости» в рассматриваемой теме с приоритетом политико-административной воли властей страны (часто в инструментально-ситуативном ключе), с одной стороны, и энергичным применением мер индоктринации, с другой стороны.

Если говорить об идеологических изменениях институтов языковой политики, то на макроуровне происходили не только фунда-

ментальные дуально-реверсивные («манейские») смены эпох, но и непрерывные колебания смысловых акцентов на тех или иных исторических отрезках. Как записано в ведомственной «Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» (одобрена приказом Минобрнауки от 3 августа 2006 г. N 201), российская образовательная языковая политика в полиэтнических условиях была «направленной на профилактику сепаратизма еще в конце XVIII века. Последующие два столетия характеризовались поиском организационных решений, которые сделали бы образовательные учреждения с нерусским языком обучения инструментом национально-политических задач». Однако говорить о воспроизводимости идейных оснований — этом сущностном атрибуте институтов — не получается в любом случае. Что же касается прикладных аспектов, или идеологических оснований языковой политики в более частно-научном (социоллингвистическом) смысле, то в этой исследовательской области делаются лишь первые шаги в направлении теоретической рефлексии и прогнозного моделирования [Биткеева, Вингендер 2020].

Применительно к верифицируемым измерениям институтов языковой политики в современной России можно, вероятно, достаточно достоверно констатировать: разговор по преимуществу ведется, с одной стороны, о нормативно-правовых актах (в том числе — подзаконных ведомственных документах, концепциях и проч.) и, с другой — о присутствии языков в системе отечественного образования. В соответствующей повестке федеральной исполнительной власти, помимо этого, начинают фигурировать положения, которые по утвердившейся традиции относят к мерам «планирования корпуса» в отличие от «планирования статуса». К примеру, недавно учрежденной Правительственной комиссии по русскому языку (август 2020 г.) вменяется в обязанности разработка требований к словарям, нормирующим русский литературный язык «при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», определения порядка экспертизы грамматик, словарей и справочников, правил русской орфографии и пунктуации и, что принципиально в рассматриваемом контексте, — разработка концепции государственной языковой политики.

Упомянутая выше институциональная «разреженность» касается такого аспекта образовательной языковой политики, как учебники и — в целом — организационно-методическая инфраструктура изучения

родных языков. Преподавать эти языки на законных основаниях можно при соблюдении многочисленных разрешительных процедур и на основе экспертизы примерных образовательных программ, учебников или пособий, рабочих тетрадей и проч. Судя по официальным сведениям, заключения, необходимые для включения в федеральный перечень учебников по родным языкам (родной литературе), в 2016 г. были выданы «пакетам» по абазинскому, алтайскому, башкирскому, татарскому, хакасскому, чеченскому, якутскому языкам. Ситуация не может расцениваться как институционально обеспеченная и в связи с тем, что при наличии приблизительно восьми десятков родных языков народов страны примерные основные образовательные программы (ПООП) в соответствующий реестр в 2020 г. были включены в форме полных комплектов — для всех уровней образования — только по семи родным языкам, не считая русского (по башкирскому, карачаево-балкарскому, крымско-татарскому, татарскому, украинскому, хакасскому, чеченскому); для начального и основного образования по родным языкам и родной литературе — по пяти языкам (алтайскому, кабардино-чеченскому, казахскому, удмуртскому, якутскому); только по родному языку — по трем языкам (вепсскому, карельскому, финскому); также зарегистрированы комплекты ПООП только по родному языку для ступеней начального и основного общего образования (по языкам коми и чувашскому); только для начального образования (по мокшанскому и эрзянскому языкам). По 55 языкам такие комплекты либо не разработаны, либо находятся на стадии экспертизы [Методические рекомендации 2020]. Следует отметить, что конкретные параметры включены в различные государственные программы и подпрограммы в качестве индикаторов практической имплементации. Иными словами, оформление этого сегмента языковой политики пробивает себе дорогу через сложные бюрократические процедуры, которые иногда называют «институциональными ловушками».

В заключение имеет смысл еще раз отметить, что подходы к рассматриваемому предмету с позиций неонституционализма не могут сулить какого-то оперативного программно-сценарного или моделирующего эффекта. Смысл их применения состоит скорее в том, чтобы разнообразить аналитические приемы. В исследовательском поле современной российской языковой политики еще только предстоит содержательно осмыслить потенциал и роль виртуальных или, к примеру, религиозных институтов. Оче-

видно вместе с тем, что институциональные принципы могут сослужить полезную службу для изучения среды проводимой языковой политики с точки зрения баланса формальных и неформальных измерений, структурной и индивидуальной субъектности, языковых отношений и регулятивного воздействия в макро-, мезо- и микроперспективах, соотношения режимов *de jure* и *de facto*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов, В. М. Двадцать лет спустя / В. М. Алпатов. — Текст : непосредственный // Язык и общество в современной России и других странах : Международная конференция, Москва, 21—24 июня 2010 г. : доклады и сообщения. — Москва : Тезаурус, 2010. — С. 1—5.
2. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс-Универс, 1995. — Текст : непосредственный.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва : Academia-центр : Медиум, 1995. — Текст : непосредственный.
4. Биткеева, А. Н. Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии / А. Н. Биткеева, М. Вингендер. — Текст : непосредственный // Социоллингвистика. — 2020. — № 1. — С. 34—53.
5. Борисова, Н. В. Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса / дисбаланса в межэтнических отношениях / Н. В. Борисова, Л. С. Бородин. — Текст : непосредственный // Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. Панова. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — С. 164—165.
6. Борисова, Н. В. Когда язык в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях / Н. В. Борисова. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 189 с. — Текст : непосредственный.
7. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. — Москва : Аспект Пресс, 2000. — 208 с. — Текст : непосредственный.
8. Заседание Совета по русскому языку. В Екатерининском зале Кремля состоялось заседание Совета при Президенте по русскому языку // Президент России : сайт. — 2019. — 5 нояб. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 15.09.2020). — Текст : электронный.
9. Ильин, М. В. Что может дать анализ перформативов? / М. В. Ильин. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2016. — № 4. — С. 264.
10. Иншаков, О. В. Лингвистика институциональной экономики / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. — С. 7, 18, 21. — Текст : непосредственный.
11. Канагараджа, С. Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед / С. Канагараджа. — Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — № 2. — С. 16—17.
12. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — Текст : непосредственный.
13. Методические рекомендации по разработке и оформлению примерных основных образовательных программ предметных областей «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». — Москва, 2020. — 20 с. — Текст : непосредственный.
14. Мухарямов, Н. М. Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках / Н. М. Мухарямов, О. Б. Януш. — Текст : непосредственный // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2020. — № 71. — С. 39—48.
15. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудинаи, Х.-Д. Клингеманна ; науч. ред. русск. изд. Е. Б. Шестопал. — Москва : Вече, 1999. — С. 43, 154, 161, 167, 170. — 815 с. — Текст : непосредственный.

16. Сморгунов, Л. В. Сравнительная политология / Л. В. Сморгунов. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — Текст : непосредственный.

17. Современная политическая наука : методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. — Москва : Аспект Пресс, 2019. — Текст : непосредственный.

18. Степанов, Ю. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре / Ю. Степанов. — Текст : непосредственный // Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс-Универс, 1995. — С. 5—25.

19. Codó, E. Language Policy and Planning, Institutions, and Neoliberalisation / E. Codó. — Text : unmediated // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / ed. by James W. Tollefson and Miguel Pérez-Milans. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2018. — P. 480.

20. Fitzsimmons-Doolan, Sh. Language ideologies of institutional language policy: exploring variability by language policy register / Sh. Fitzsimmons-Doolan. — Text : unmediated // Language Policy. — 2019. — No 18. — P. 170, 173—174.

21. Laitin, D. Language repertoires and state construction in Africa / D. Laitin. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1992. — 205 p. — Text : unmediated.

22. Laitin, D. The Tower of Babel as a Coordination Game: Political Linguistics in Ghana / D. Laitin. — Text : unmediated //

American Political Science Review. — 1994. — Vol. 88. — No 3. — P. 631, 634.

23. Laitin, D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad / D. Laitin. — Ithaca, London : Cornell Univ. Pr., 1998. — P. 366. — Text : unmediated.

24. Piller, I. Neoliberalism as language policy / I. Piller, J. Cho. — Text : unmediated // Language in Society. — 2013. — Vol. 42. — Iss. 1. — P. 23—44.

25. Roberts, C. Institutional discourse / C. Roberts. — Text : unmediated // The Routledge Handbook of Applied Linguistics. — London ; New York : Routledge, 2011. — P. 82.

26. Safran, W. Postscript: Reflection on States and the Uses of Language // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 258. — Text : unmediated.

27. Sonntag, S. K. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices / S. K. Sonntag, L. Cardinal. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 11.

28. Sonntag, S. K. State Tradition and Language Regime in the United States: Time for Change? / S. K. Sonntag. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 44—61.

O. B. Yanush

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

N. M. Mukharyamov

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

L. M. Mukharyamova

Kazan State Medical University, Kazan, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5016-6928

 E-mail: yanush_ob@yahoo.com; n.mukharyamov@yandex.ru; l.mukharyamova@yandex.ru.

Language Policy in Theoretical Contexts of Neoinstitutionalism

ABSTRACT. *The article deals with some conceptual perspectives of investigation of language policy from the positions of neoinstitutionalist approaches – rapidly developing interdisciplinary branch of socio-humanitarian knowledge. Primary attention is paid to such approaches as rational choice, variant of historical institutionalism (“path dependence”), and the role of the ideological factor on the macrodiscursive and specific applied levels with relation to the concepts and principles of normative-regulatory intervention in the field of language functioning. The authors demonstrate those analytical areas in which paradigmatic purposes of institutional analysis may be used with reference to politico-linguistic relations under modern Russian conditions. While there are several interdepartmental, government and public structures, there is no one sole fully authoritative body which would be responsible for language policy in the system of the Russian executive power. The fact that the modern Russian language policy has not yet been institutionally formed is corroborated by the incomplete process of preparation of the final doctrinal documents or act of strategic planning in this area. The development vector of language policy in Russia is determined by opposite historical benchmarks: facilitation of preservation of language diversity (creation of alphabets for unwritten languages, measures of the period of the Soviet “language construction” in the 1920s–1930s, institutional fixation of ideoethnic languages in the context of federal statehood, etc.); regulations designed to support the uniform common language as an instrument of communication and governance. In modern Russia, the problem is associated with normative-regulatory acts and the presence of languages in the system of Russian education.*

KEYWORDS: *language relations; language policy; native languages; peoples of Russia; rational choice; neoinstitutionalism; linguistic research.*

AUTHOR'S INFORMATION: Yanush Ol'ga Borisovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Mukharyamov Nail' Midkhatovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Mukharyamova Laysan Muzipovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Kazan, Russia.

FOR CITATION: Yanush, O. B. Language Policy in Theoretical Contexts of Neoinstitutionalism / O. B. Yanush, N. M. Mukharyamov, L. M. Mukharyamova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 156–165. — DOI 10.26170/pl20-06-17.

ACKNOWLEDGMENTS. The research is accomplished under the Program of Fundamental and Applied Scientific Research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” 2020-2022.

REFERENCES

1. Alpatov V.M. Twenty years later // Language and society in modern Russia and other countries: International conference, Moscow, June 21-24, 2010: reports and messages. — Moscow: Thesaurus, 2010. P. 1 — 5. [Dvadcat' let spustja // Jazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah: Mezhdunarodnaja konferencija, Moskva, 21-24 ijunja 2010 g.: doklady i soobshhenija. — M.: Tezaurus, 2010. S. 1 — 5]. — (In Rus.)
2. Benvenist Je. Dictionary of Indo-European Social Terms. — Moscow: Progress-Univers, 1995. P. 27. [Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov. — M.: Progress-Univers, 1995. S. 27]. — (In Rus.)
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. — Moscow: Academia-center, Medium, 1995. P. 93. [Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. — M.: Academia-centr, Medium, 1995. S. 93]. — (In Rus.)
4. Bitkeeva A.N., Vingender M. Scenarios in the language policy of Russia: issues of concept and methodology // Sociolinguistics. 2020. No. 1. P. 34 -53. [Scenarii v jazykovoj politike Rossii: voprosy koncepcii i metodologii // Sociolingvistika. 2020. № 1. S. 34 — 53]. — (In Rus.)
5. Borisova N.V., Borodina L.S. Language preferential policy as a topic and arena of balance / imbalance in interethnic relations // Balancing claims: ethnic regional autonomies, state integrity and the rights of ethnic minorities / ed. by P.V. Panov. — Moscow: Political Encyclopedia, 2017. P. 164 — 165. [Jazykovaja preferencial'naja politika kak tema i arena balansa / disbalansa v mezhetnicheskikh otnoshenijah // Balansirujut pritzazaniya: jetnicheskoe regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava jetnicheskikh men'shinstv/ pod red. P.V. Panova. — M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. S. 164 — 165]. — (In Rus.)
6. Borisova N.V. When a Language is on Fire: Contestation Language Regimes as a Challenge to Balance in Interethnic Relations. — Moscow: Political Encyclopedia, 2017. 189 p. [Kogda jazyk v ognе: osparivanie jazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnoshenijah. — M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. 189 s.]. — (In Rus.)
7. Dal' R. About democracy. — Moscow: Aspect Press, 2000. 208 p. [O demokratii. — M.: Aspekt Press, 2000. 208 s.]. — (In Rus.)
8. Meeting of the Russian Language Council. A meeting of the Presidential Council on the Russian language took place in the Catherine Hall of the Kremlin. November 5, 2019. [Zasedanie Soveta po russkomu jazyku. V Ekaterininskom zale Kremlja sostojalos' zasedanie Soveta pri Prezidente po russkomu jazyku. 5 nojabrja 2019]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (date of access: 15.09.2020).
9. Il'in M.V. What can analysis of performatives give? // Political Science. 2016. No. 4. P. 264. [Chto mozhet dat' analiz performativov? // Politicheskaja nauka. 2016. No. 4. S. 264]. — (In Rus.)
10. Inshakov O.V., Frolov D.P. Linguistics of Institutional Economics. — Volgograd: VolSU Publishing House, 2010. P. 7, 18, 21. — [Lingvistika institucional'noj jekonomiki. — Volgograd: Izd-vo VolGU, 2010. S. 7, 18, 21]. — (In Rus.)
11. Kanagaradzha S. Multilingual pedagogy of neoliberal time: clearing the territory and planning forward movement // Social and Human Sciences in the Far East. 2016. No 2. P. 16. [Multilingval'naja pedagogika neoliberal'nogo vremeni: raschistka territorii i planirovanie dvizhenija vpered // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2016. No 2. S. 16.]. — (In Rus.)
12. Kastel's M. The power of communication. — Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2017. P. 61. [Vlast' kommunikacii. — M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. S. 61]. — (In Rus.)
13. Methodological recommendations for the development and design of exemplary basic educational programs of the subject areas “Native language and literary reading in the native language” and “Native language and native literature”. — Moscow, 2020. 20 p. [Metodicheskie rekomendacii po razrabotke i oformleniju primernykh osnovnykh obrazovatel'nykh programm predmetnykh oblastej «Rodnoj jazyk i literaturnoe chtenie na rodnom jazyke» i «Rodnoj jazyk i rodnoj literatura». — M., 2020. 20 s.]. — (In Rus.)
14. Mukharjamov N.M., Yanush O.B. Historical intertextuality in the Russian legal discourse about languages // Dialogue with time. Almanac of Intellectual History. 2020. No. 71. P. 39 — 48. [Istoricheskaja intertekstual'nost' v rossijskom pravovom diskurse o jazykah // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2020. No. 71. S. 39 — 48]. — (In Rus.)
15. Political Science: New Directions / Ed. R. Goudinai, H.-D. Klingemann; Sci. ed. of the Russian ed. by E. B. Shestopal. — Moscow: Veche, 1999. P. 43, 154, 161, 167, 170. [Politicheskaja nauka: novye napravlenija / Pod red. R. Gudinai, H.-D. Klingemanna; Nauch. red. russk. izd. E.B. Shestopal. — M.: Veche, 1999. S. 43, 154, 161, 167, 170]. — (In Rus.)
16. Smorgunov L.V. Comparative Political Science. — Saint Petersburg: Peter, 2012. P. 72. [Sravnitel'naja politologija. — SPb.: Piter, 2012. S. 72]. — (In Rus.)
17. Modern political science: Methodology / Ex. ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. — Moscow: Publishing House “Aspect Press”, 2019. P. 112 — 113. [Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija / Otv. red. O.V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. — M.: Izd-vo «Aspekt Press», 2019. S. 112 — 113]. — (In Rus.)
18. Stepanov Ju. “Words”, “concepts”, “things”. Towards a new synthesis in the science of culture // Dictionary of Indo-European social terms. — Moscow: Progress-Univers, 1995. P. 5. [«Slova», «ponjatija», «veshhi». K novomu sintezu v nauke o kul'ture // Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov. — M.: Progress-Univers, 1995. S. 5]. — (In Rus.)
19. Codó, E. Language Policy and Planning, Institutions, and Neoliberalisation / E. Codó. — Text : unmediated // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / ed. by James W. Tollefson and Miguel Pérez-Milans. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2018. — P. 480.
20. Fitzsimmons-Doolan, Sh. Language ideologies of institutional language policy: exploring variability by language policy register / Sh. Fitzsimmons-Doolan. — Text : unmediated // Language Policy. — 2019. — No 18. — P. 170, 173—174.
21. Laitin, D. Language repertoires and state construction in Africa / D. Laitin. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1992. — 205 p. — Text : unmediated.
22. Laitin, D. The Tower of Babel as a Coordination Game: Political Linguistics in Ghana / D. Laitin. — Text : unmediated // American Political Science Review. — 1994. — Vol. 88. — No 3. — P. 631, 634.
23. Laitin, D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad / D. Laitin. — Ithaca, London : Cornell Univ. Pr., 1998. — P. 366. — Text : unmediated.
24. Piller, I. Neoliberalism as language policy / I. Piller, J. Cho. — Text : unmediated // Language in Society. — 2013. — Vol. 42. — Iss. 1. — P. 23—44.
25. Roberts, C. Institutional discourse / C. Roberts. — Text : unmediated // The Routledge Handbook of Applied Linguistics. — London ; New York : Routledge, 2011. — P. 82.
26. Safran, W. Postscript: Reflection on States and the Uses of Language // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 258. — Text : unmediated.
27. Sonntag, S. K. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices / S. K. Sonntag, L. Cardinal. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 11.
28. Sonntag, S. K. State Tradition and Language Regime in the United States: Time for Change? / S. K. Sonntag. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 44—61.